

Евгений Носов

ТРИДЦАТЬ ЗЁРЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1979

БЕЛЫЙ ГУСЬ

Если бы птицам присваивали воинские чины, то этому гусю следовало бы дать адмирала. Всё у него было адмиральское: и выправка, и походка, и тон, каким он разговаривал с прочими деревенскими гусями.

Ходил он важно, обдумывая каждый шаг. Прежде чем переставить лапу, гусь поднимал её к белоснежному кителю, собирал перепонки, подобно тому, как складывают веер, и, подержав этак некоторое время, неторопливо опускал лапу в грязь. Так он ухитрялся проходить по самой хлюпкой, растележенной дороге, не замарав ни единого пёрышка.

Этот гусь никогда не бежал, даже если за ним припустит собака. Он всегда высоко и неподвижно держал длинную шею, будто нёс на голове стакан воды.

Собственно, головы у него, казалось, и не было. Вместо неё прямо к шее был прикреплён огромный, цвета апельсиновой корки, клюв с какой-то не то шишкой, не то рогом на переносье. Больше всего эта шишка походила на кокарду.

Когда гусь на отмели поднимался в полный рост и размахивал упругими полтораметровыми крыльями, на воде пробегала серая рябь и шуршали прибрежные камыши. Если же он при этом издавал свой крик, в лугах у доярок тонко звенели подойники.

Одним словом, Белый гусь был самой важной птицей на всей кулиге. Он жил беспечно и вольготно. Ему безраздельно принадлежали отмели, которым не было равных по обилию тины, ряски, ракушек и головастика. Самые чистые, прокалённые солнцем песчаные пляжи — его, самые сочные участки луга — тоже его.

Но самое главное — то, что плёс, на котором я устроил приваду, Белый гусь считал тоже своим. Из-за этого плёса у нас с ним давняя тяжба. Он меня просто не признавал. То он кильватерным строем ведёт всю свою гусиную армаду прямо на удочки, да ещё задержится и долбанёт подвернувшийся поплавок. То затеет всей компанией купание как раз у противоположного берега. А купание-то это с гогогом, с хлопанием крыльев, с догонялками и прятками под водой. А нет — устраивает с соседней стаей драку, после которой долго по реке плывут вырванные перья и стоит такой гам, такое бахвальство, что о поклёвках и думать нечего.

Много раз он поедал из банки червей, утаскивал кукурузу с рыбой. Делал это не воровски, а всё с той же степенной неторопливостью и сознанием своей власти на реке.

Этой весной, как только пообдуло просёлки, я собрал свой велосипед, приторочил к раме пару удочек и покати откормить сезон. По дороге заехал в деревню, наказал Стёпке, чтобы добыл червей и принёс ко мне на приваду.

Белый гусь уже был там. Позабыв о вражде, залюбовался я птицей. Стоял он, залитый солнцем, на краю луга, над самой рекой.

Заметив меня, гусь пригнул шею к траве и с угрожающим шипением двинулся навстречу. Я едва успел отгородиться велосипедом.

А он ударил крыльями по спицам, отскочил и снова ударил. — Кыш, проклятый!

Это кричал Стёпка. Он бежал с банкой червей по тропинке.

— Кыш, кыш!

Стёпка схватил гуся за шею и поволок. Гусь упирался, хлётко стегал мальчишку крыльями, сшиб с него кепку.

— Вот собака! — сказал Стёпка, оттащив гуся подальше. — Никому прохода не даёт. Ближе ста шагов не подпускает. У него сейчас гусята, вот он и лютует.

Теперь только я разглядел, что одуванчики, среди которых стоял Белый гусь, ожили и сбились в кучу, испуганно вытягивая жёлтые головки из травы.

— А мать-то их где? — спросил я Стёпку.

— Сироты они...

— Это как же?

— Гусыню машина переехала.

Стёпка разыскал в траве картуз и помчался по тропинке к мосту. Ему надо было собираться в школу.

Пока я устраивался на приваде, Белый гусь уже успел несколько раз подраться с соседями. Потом откуда-то прибежал пёстро-рыжий бычок с обрывком верёвки на шее. Гусь набросился на него.

Телёнок взбрыкивал задом, пускался наутёк. Гусь бежал следом, наступал лапами на обрывок верёвки и кувыркался через голову. Некоторое время гусь лежал на спине, беспомощно перебирая лапами. Но потом, опомнившись и ещё пуще разозлившись, долго гнался за телёнком, выщипывая из ляжек клочья рыжей шерсти. Иногда бычок пробовал занять оборону. Он, широко расставляя передние копытца и пуча на гуся фиолетовые глаза, неумело и не очень уверенно мотал перед гусем лопаухой мордой. Но как только гусь поднимал вверх свои полутораметровые крылья, бычок не выдерживал и пускался наутёк. Под конец телёнок забился в непролазный лозняк и тоскливо замычал.

— То-то! — загоготал на весь выпас Белый гусь, победно подёргивая куцым хвостом.

Короче говоря, на лугу не прекращались гомон, устрашающее

шипение и хлопанье крыльев, и Стёпкины гусята пугливо жались друг к другу и жалобно пищали, то и дело теряя из виду своего буйного папашу.

— Совсем замотал гусят, дурья твоя башка! — пробовал стыдить я Белого гуся.

— Эге! Эге! — неслоь в ответ, и в реке подпрыгивали мальки. — Эге! (Мол, как бы не так!)

Переругиваясь с гусем и поправляя размытую половодьем приваду, я и не заметил, как из-за леса напозла туча. Она росла, поднималась серо-синей тяжёлой стеной, без просветов, без трещинки, и медленно и неотвратно пожирала синеву неба. Вот туча краем накатилась на солнце. Её кромка на мгновение сверкнула расплавленным свинцом. Но солнце не могло растопить всю тучу и бесследно исчезло в её свинцовой утробе. Луг потемнел, будто в сумерки. Налетел вихрь, подхватил гусиные перья и, закружив их, унёс вверх.

Гуси перестали щипать траву, подняли головы.

Первые капли дождя полоснули по лопухам кувшинок. Сразу же вокруг зашумело, трава заходила сизыми волнами, лозняк вывернуло наизнанку.

Я едва успел набросить на себя плащ, как туча прорвалась и обрушилась холодным косым ливнем. Гуси, растопырив крылья, полетели в траву. Под ними спрятались выводки. По всему лугу были видны тревожно поднятые головы.

Вдруг по козырьку кепки что-то жёстко стукнуло, тонким звонком отозвались велосипедные спицы, и к моим ногам скатилась белая горошина.

Я выглянул из-под плаща. По лугу волочились седые космы града. Исчезла деревня, пропал из виду недалёкий лесок. Серое небо глухо шуршало, серая вода в реке шипела и пенилась. С треском лопались просечённые лопухи кувшинок.

Гуси замерли в траве, тревожно перекликались.

Белый гусь сидел, высоко вытянув шею. Град бил его по голове, гусь вздрагивал и прикрывал глаза. Когда особенно крупная градина попадала в темя, он сгибал шею и тряс головой. Потом снова выпрямлялся и всё поглядывал на тучу, осторожно склоняя голову набок. Под его широко раскинутыми крыльями тихо копошилась дюжина гусят.

Туча свирепствовала с нарастающей силой. Казалось, она, как мешок, распоролась вся, от края и до края. На тропинке в неуправляемой пляске подпрыгивали, отскакивали, сталкивались белые ледяные горошины.

Гуси не выдержали и побежали. Они бежали, полузачёркнутые серыми полосами, хлеставшими их наотмашь, гулко барабанил град по пригнутым спинам. То здесь, то там в траве, перемешанной с градом, мелькали взъерошенные головки гусят, слышался их жалобный призывный писк. Порой писк внезапно обрывался, и жёлтый «одуванчик», иссечённый градом, поникал в траву.

А гуси всё бежали, пригибаясь к земле, тяжёлыми глыбами падали с обрыва в воду и забивались под кусты лозняка и береговые обрезы. Вслед за ними мелкой галькой в реку сыпались малыши — те немногие, которые ещё успели добежать. Я с головой закутался в плащ. К моим ногам скатывались уже не круглые горошины, а куски наспех обкатанного льда, величиной с четвертинку пилёного сахара. Плащ плохо спасал, и куски льда больно секли меня по спине.

По тропинке с дробным топотом промчался телёнок, стегнув по сапогам обрывком мокрой верёвки. В десяти шагах он уже скрылся из виду за серой завесой града.

Туча умчалась так же внезапно, как и набежала. Град в последний раз прострочил мою спину, поплясал по прибрежной отмели, и вот уже открылась на той стороне деревня, и в мокрое

заречье, в ивняки и покосы запустило лучи проглянувшее солнце.

Я сдёрнул плащ.

Под солнечными лучами белый, запорошенный луг на глазах темнел, оттаивал. Тропинка покрылась лужицами.

Луг, согретый солнцем, снова зазеленел. И только на его середине никак не растаивала белая кочка. Я подошёл ближе. Это был Белый гусь.

Он лежал, раскинув могучие крылья и вытянув по траве шею. Серый немигающий глаз глядел вслед улетающей туче. По клюву из маленькой ноздри сбегала струйка крови.

Все двенадцать пушистых «одуванчиков», целые и невредимые, толкаясь и давя друг друга, высыпали наружу. Весело попискивая, они рассыпались по траве, подбирая уцелевшие градины. Один гусёнок, с тёмной ленточкой на спине, неуклюже переставляя широкие кривые лапки, пытался взобраться на крыло гусака. Но всякий раз, не удержавшись, кубарем летел в траву.

Малыш сердился, нетерпеливо перебирал лапками и, выпутавшись из травинки, упрямо лез на крыло. Наконец гусёнок вскарабкался на спину своего отца и замер. Он никогда не забирался так высоко.

Перед ним открылся удивительный мир, полный сверкающих трав и солнца.

ТРИДЦАТЬ ЗЁРЕН

Ночью на мокрые деревья упал снег, согнув ветви рыхлой сырой тяжестью, а потом его схватило морозцем, и снег теперь держался на ветвях крепко, будто засахаренная вата.

Прилетела синичка, попробовала расковырять намерзь. Но снег был твёрд, и она озабоченно посмотрела по сторонам, словно спрашивая: «Как же теперь быть?»

Я отворил форточку, положил на обе перекладины двойных рам линейку, закрепил её кнопками и через каждый сантиметр расставил конопляные зёрна. Первое зёрнышко оказалось в саду, зёрнышко под номером тридцать — в моей комнате.

Синичка всё видела, но долго не решалась слететь на окно. Наконец она схватила первую коноплянку и унесла её на ветку.

Проворно расклевав твёрдую скорлупу, она вытащила ядро и съела.

Всё обошлось благополучно. Тогда синичка, улучив момент, подобрала зёрнышко номер два...

Я сидел за столом, работал и время от времени поглядывал на синицу.

А она, всё ещё робея и тревожно заглядывая в глубину форточки, сантиметр за сантиметром приближалась по линейке, на которой была отмерена её судьба.

— Можно, я склюю ещё одно зёрнышко?

И синичка, пугаясь шума своих собственных крыльев, улетела с очередной коноплянкой на дерево.

— Ну, пожалуйста, ещё одно, ладно?

Но вот осталось последнее зерно. Оно лежало на самом кончике линейки.

Зёрнышко казалось таким далёким, и идти за ним было так боязно!

Синичка, испуганно замирая и настораживая крылья, прокралась в самый конец линейки и оказалась в моей комнате.

С боязливым любопытством вглядывалась она в неведомый мир. Её особенно поразили живые зелёные цветы и совсем летнее тепло, которое так приятно оведало озябшие лапки.

— Ты здесь живёшь?

— Да.

— А почему здесь нет снега?

Вместо ответа я повернул выключатель. Под потолком ярко вспыхнул матовый шар плафона.

— Солнце! — изумилась синичка. — А это что?

— Это всё книги.

— Что такое «книги»?

— Они научили зажигать это солнце, растить эти цветы и те деревья, по которым ты прыгаешь, и ещё многому другому. А ещё научили насыпать тебе конопляных зёрнышек.

— Это очень хорошо. А ты совсем не страшный. Кто ты?

— Я — человек.

— Что такое «человек»?

Объяснить это было трудно, и я сказал:

— Видишь нитку? Она привязана к форточке...

Синичка испуганно оглянулась.

— Не бойся. Я этого не сделаю. Это и называется у нас — Человек.

— А можно мне съесть это последнее зёрнышко?

— Да, конечно! Я хочу, чтобы ты прилетала ко мне каждый день. Ты будешь навещать меня, а я буду работать. Согласна?

— Согласна. А что такое «работать»?

— Видишь ли, это такая обязанность каждого человека. Без неё нельзя. Все люди должны что-нибудь делать. Этим они помогают друг другу.

— А чем ты помогаешь людям?

— Я хочу написать книгу. Такую книгу, чтобы каждый, кто прочитает её, положил бы на своём окне по тридцать конопляных зёрен...

Но, кажется, синичка уже не слушает меня. Обхватив лапками семечко, она доверчиво расклёвывает его на кончике линейки.

Для старшего дошкольного возраста

Евгений Иванович Носов

ТРИДЦАТЬ ЗЕРЕН

Художник Я. Манухин

ИБ № 775

Редактор О. Лебедев. Художественный редактор Г. Крюкова
Технический редактор Е. Соколова. Корректор Н. Шадрина

Сдано в производство 20/VII-78 г. Подписано в печать 22/I 79 г. Ф. 60×90/8.
Офс. № 1. Печать офсет. Гарн. «Об. нов.». Усл. печ. л. 2,0. Уч. изд. л. 1,61. Ти-
раж 500 000. Изд. № 979. Заказ № 465. Цена 15 коп.
Издательство «Малыш», Москва, В-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудо-
вого Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

И 70801-0 34
М102(03) - 79 34 - 79

© изд. Издательство «Малыш» 1979